

М. Н. ПОКРОВСКИЙ

Русская история в самом сжатом очерке

<Фрагмент>

Заботы Александра об его власти над Европой сильно раздражали русское дворянство и буржуазию. Раздражение особенно усилилось благодаря польской политике Александра. Стали говорить, что он влюблен в Польшу, а Россию ненавидит. Даже купцы в петербургском Гостином ряду толковали, что уж, если Польше дали конституцию, надо ее дать и России. Среди русского офицерства было такое озлобление, что поговаривали об убийстве Александра. Это многое помогло образованию в последние годы его царствования военного заговора, известного под именем «заговора декабристов», потому что он разразился 14 декабря 1825 года, но начался он в 1821 году, а подготовляться стал еще раньше, с 1816–1817 годов*. Александр не дожил до открытой вспышки заговора, он умер 19 ноября 1825 года.

Его наследником стал его младший брат Николай Павлович, которого мы отчасти уже знаем. Он понял ошибку Александра и повернул внешнюю политику в том направлении, в каком нужно было русскому промышленному и торговому капиталу: стал «вооруженною рукою пролагать для русской торговли пути на Востоке», Польшу сравнял с Россией, воспользовавшись неудачной польской революцией 1830–1831 годов, а в дела Западной Европы остерегался вмешиваться, хотя у него очень руки чесались раздавить и французскую революцию 1830 года. (так называемую

* Подробнее о заговоре декабристов см. ниже, глава «Революционная буржуазия».

июльскую, низвергнувшую во Франции господство земельной аристократии, водворившейся там после падения Наполеона, и поставившую у власти крупных фабрикантов и банкиров; их управление привело к новой революции 1848 г.). Военные поселения он также не распространял дальше и Аракчеева уволил, но аракчеевские порядки сохранились во всей неприкословенности.

Николаевское царствование было промежуточным царствованием. Промышленный капитал уже был налицо и боролся за власть с торговым, но последний пока был настолько силен, что не шел ни на одну явную уступку, стараясь закупить своего соперника тайными поблажками. Наиболее откровенным способом подкупа была внешняя политика, о которой уже говорилось. Но промышленному капиталу нужны были не только новые рынки, ему нужен был, во-первых, свободный рабочий, а во-вторых, ему нужен был «грамотей-десятник», нужна была интеллигенция, чтобы управлять этим рабочим, организовать промышленность и руководить ею. При Николае был основан технологический институт, возникли «реальные» гимназии, где основой преподавания были математика, физика, естественные науки, коммерческие училища; были попытки улучшить университеты, подготавливая преподавателей для них в заграничных университетах; это отчасти и удалось. Сороковые годы были блестящим временем для Московского университета. И рядом с этим главное место отводилось классическим гимназиям, где в основу были положены никому не нужные древние языки, главным образом латинский. Из учеников старались воспитать исправных чиновников (для чего в старших классах преподавалось законоведение) и внушить им преданность «православию, самодержавию и народности». Выучившихся в заграничных университетах профессоров держали под строгим надзором; разрешение прочесть самую невинную публичную лекцию об Александре Македонском, о Тамерлане давалось с величайшим трудом, почему, разумеется, всякая такая лекция становилась чуть не революционным событием. Напечатать ничего нельзя было без разрешения цензуры, что заставляло писателей прибегать к эзоповскому языку, а читателей учило понимать с полуслова и читать между строк. Писалась статья об австрийском министре финансов Бруке, а все знали, что речь идет о русском министре финансов Броке. Нельзя было, разумеется, и подумать напечатать что бы то ни было об освобождении крестьян, нельзя было даже назвать прямо крепостное право: вместо него употреблялось выражение

«обязательная рента», а статья озаглавливалась «О причинах колебания цен на хлеб в России». Все знали, что в ней говорится именно о крепостном праве и ни о чем больше.

Около крепостного права всего больше хлопотал и Николай I, но хлопотал тайком, пуще всего боясь, как бы это не огласилось и не стало известно, боже сохрани, прежде всего помещикам, а затем самим крестьянам. С первого же года своего царствования, 1826 года, он созывает один комитет по крестьянскому вопросу за другим, и все эти комитеты были секретные. В своем кабинете он украдкой показывал своим приближенным шкаф. «Здесь документы, — говорил он, — с которыми я поведу процесс против рабства». Но дальше его приближенных — и то самых доверенных — никто этого шкафа не видел. Только раз он решился поговорить об этом вопросе «келейно» со смоленскими помещиками, но, наткнувшись на сопротивление, струсил и не настаивал. Вообще своим характером этот «железный» государь, «царь-рыцарь» очень напоминал пословицу: «Молодец среди овец, а на молодца и сам овца». Из его хлопот по крестьянскому делу ничего, разумеется, не вышло, вышел только закон об «обязанных» крестьянах, позволявший помещикам не освобождать крестьян совершенно, а только отказываться от права на их личность. «Обязанные» крестьяне не могли быть продаваемы поштучно, как скот, нельзя было менять их на собак, по произволу брать во двор и т. д., но они по-прежнему должны были работать на барина, платить ему оброк, то и другое только в определенном размере (определенном самим помещиком). Словом, всякий не спившийся с ума барин делал именно то самое, что ему позволял этот закон; можно спросить, кто захотел бы таскаться по канцеляриям, чтобы на бумаге закрепить то, что и так ему никто делать не мешал? Это было все равно что издать закон, разрешающий ходить ногами, есть ртом и т. д. Не мудрено, что желающих воспользоваться «благами» нового закона почти не нашлось, только некоторые придворные Николая из холопства перевели своих крестьян в обязанные; крестьяне остались к этому благодействию совершенно равнодушны.

Спрашивается: почему же Николай топтался на месте в этом вопросе, важность которого он понимал? Конечно, не только потому, что у него характера не хватало. Мы видим, что там, где хозяйственные условия требовали освобождения, как это было с крепостными мастеровыми на фабриках, освобождение и совершилось без всяких затруднений и без обсуждения вопроса

семьдесят семь раз в секретных комитетах. Не характер Николая определял положение, а положение определяло характер и его самого, и всего окружавшего его общества. Промежуточное положение, борьба между новым, которое стучалось в дверь, и старым, которое упорно не хотело отпирать, всех «властителей» тех дней делало промежуточными существами, которые думали и говорили одно, а делали другое. Это приводило к страшному развитию в тогдашнем высшем обществе лицемерия.

Лицемерие пропитывало все николаевское общество сверху донизу. Лицемерие самого Николая воплотилось всецело в одном факте: когда в Сибири поймали шайку разбойников, долго наводившую ужас на целую губернию, губернатор предложил их казнить. Николай написал на донесении губернатора: «В России, слава богу, нет смертной казни, и не мне ее восстановлять, а дать каждому из разбойников по 12 тыс. палок». Здесь все было ложью. Во-первых, смертная казнь в России по приговору военных, чрезвычайных и т. д. судов существовала, и Николай начал свое царствование с подписания смертного приговора пяти вождям декабристов, а во-вторых, больше 3 тыс. палок никто, даже самый здоровый человек, выдержать не мог. 12 тыс. означало верную смерть задолго до окончания наказания (в этом случае на тележке возили и били палками уже труп). Николай это прекрасно понимал, конечно, но не поломаться не мог. Лицемерием была пропитана вся его личная жизнь. Он был, конечно, так же развратен, как все его предшественники и предшественницы. У него была постоянная фаворитка, с которой его законная жена Александра Федоровна была в большой дружбе — до того это считалось естественным. Но кроме того, к его услугам был целый гарем из придворных дам и девиц (фрейлин), балетных танцовщиц и т. д. Мужья и отцы, как чумы, боялись николаевского двора; поэт Пушкин пал жертвой ужасной обстановки, которая складывалась для людей, имевших красивую жену и в то же время имевших несчастье принадлежать к придворному кругу. И вот создавший такую обстановку Николай перед людьми разыгрывал самого примерного семьянина. На людях он самым почтительным образом относился к своей «законной жене», был самым нежным отцом семейства, разыгрывал целые комедии «семейного счастья» за утренним кофе или вечерним чаем, на елке и т. п. Его холопы потом с умилением вспоминали эти картины на старости лет; это были «самые светлые воспоминания» их жизни. Это лицемерие он выдержал до самого конца:

после того как он перед смертью исповедался и приобщился, в его комнату больше не пускали фаворитку, вход туда имела только императрица.

Это лицемерие, пропитавшее всю его жизнь, и делало больше всего николаевское царствование таким тяжелым и гнетущим. Под конец Николай опротивел даже тем, кто от его порядков кормился. Богатый помещик и откупщик* Кошелев рассказывает в своих записках, что во время Севастопольской войны он и его знакомые не особенно огорчались поражениями русской армии, надеясь, что военная неудача так или иначе положит конец николаевскому царствованию. Можно себе представить, что это было за царствование, которое даже богатых буржуа делало пораженцами! Когда Николай умер, необходимость перемены сознавали все, не исключая его ближайших помощников. Один из вернейших его слуг, князь Орлов, дрожа от страха, сел на кресло председателя главного комитета по крестьянским делам, и, хотя после каждого малейшего движения вперед этого дела он в ужасе бежал к Александру II и впадал перед ним в истерику, реформа все же совершилась и крестьяне были освобождены, насколько позволяли интересы помещиков и торгового капитала. Экономические причины и последствия падения крепостного права мы видели и к этому не будем возвращаться. Но одной экономической стороной дело не могло ограничиваться: экономическая перемена тянула за собой ряд других. Крепостническое государство представляло собой целую систему управления. Когда вынули или по крайней мере сильно пошатнули краеугольный камень — крепостное право, все здание должно было пошатнуться и дать трещины.

Крепостное право было только самым главным способом «внешэкономического принуждения» мелкого самостоятельного производителя к тому, чтобы он выдал свой прибавочный (а иногда и необходимый) продукт. Но мы уже видели и другие способы, например подати. Суть была в том, чтобы опутать мелкого производителя — крестьянина или ремесленника — такой густой сетью всевозможных стеснений и ограничений и так его запугать при этом, чтобы ему, что называется, податься было некуда. Этой цели

* Откупщиками, как мы помним, называли тех капиталистов, которые «брали на откуп» продажу водки в той или другой губернии, т. е. платили государству всю сумму налога на водку и за это получали право спаивать народ, наживая огромные барыши.

и достигло крепостническое государство со всеми его порядками. Оно прежде всего брало все мужское население на учет, от времени до времени поверяя его наличность, это называлось «ревизиями» (что значит именно «проверка», «пересмотр»). По ревизии — первая была при Петре — крестьянин записывался за тем или другим помещиком: имение тогда и оценивалось количеством «ревизских душ» (в просторечии просто «душ»), которые к нему были приписаны. Помещик отвечал за то, чтобы приписанные к нему крестьяне не разбежались и платили исправно подушную подать. За это они отдавались в полное распоряжение помещика. Он их судил и наказывал вплоть до ссылки в каторжную работу. А жаловаться на него крестьяне не смели под страхом жесточайшего телесного наказания; за подачу челобитной государю на помещика как «сочинитель» челобитной (тут надо припомнить, что крестьяне того времени были почти поголовно безграмотны, стало быть, написать прошение не могли), так и подавшие его крестьяне подлежали наказанию кнутом (мы сейчас увидим, что это такое) и ссылке в Нерчинск «в вечную работу». Так гласил указ «просвещенной» Екатерины II, изданный вдобавок в то время, когда она, по уверению буржуазных историков, была «либеральна» и созывала нечто вроде дворянского парламента, так называвшуюся комиссию для сочинения нового Уложения («Уложение», т. е. сборник законов, было издано при втором Романове — Алексее Михайловиче, отце Петра I, и потом не проходило царствования, чтобы не собирались писать нового, но из этого ничего не выходило, пока Николай I не додумался до идеи просто собрать вместе все указы, издававшиеся в разное время разными царями, и, выбрав важнейшие, назвать их «Сводом законов»).

Вооруженный всеми средствами, чтобы запугать крестьянина, помещик широко этими средствами пользовался. Ссыпал он редко: невыгодно было терять рабочую силу. Но он пользовался предоставленным ему правом наказания, чтобы бить крестьянина, и бил жестоко. За малейшую провинность палки, плети и розги сыпались на крестьянскую спину сотнями и тысячами. Исконными русскими наказаниями были палки (батоги) и плети, а розги пришли к нам с просвещенного Запада от немецких помещиков прибалтийских губерний: те находили, что розги — наказание столь же мучительное, но будто бы менее вредное для здоровья, чем палки. Русские помещики сначала злоупотребляли этой «мягкой» формой наказания и назначали розги тысячами

и десятками тысяч. Только постепенно они убедились, что розгами можно даже вернее засечь человека, чем палками. За этот опыт, вероятно, поплатилась жизнью не одна тысяча крестьян, но ничем не поплатился ни один помещик. Ибо, хотя и не было закона, разрешавшего помещику убивать крепостных, на деле судили только за убийство в прямом смысле этого слова, из «собственных рук» барина (да и то из десяти таких дел до суда доходило одно); если же крестьянин умирал от последствий жестокого наказания, помещик всегда почти оказывался прав, а виноваты те, кто наказывал, — крепостные же кучера и лакеи. Как будто они смели ослушаться помещика!

Бить крестьянина считалось таким же обычным делом, как хлестать кнутом лошадь, чтобы скорее ехала. Об этом безо всякого стыда рассказывают интеллигентные помещики XVIII века, как, например, автор известных «Записок» и образованный сельский хозяин Болотов, который сек крестьянина пять раз подряд, чтобы тот назвал своего сообщника в воровстве. Крестьянин упорно молчал или называл людей, непричастных к делу; тех тоже секли, но, разумеется, ничего не могли от них добиться. Наконец, опасаясь засечь вора до смерти, Болотов «велел скрутить ему руки и ноги и, бросив в натопленную жарко баню, накормить его насильно поболе самой соленой рыбой и, приставив строгий к нему караул, не велел ему давать ничего пить и морить его до тех пор жаждой, покуда он не скажет истины, и сие только в состоянии было его пронять. Он не мог никак перенесть нестерпимой жажды и объявил нам наконец истинного вора, бывшего с ним в сотовариществе». Один раз истязаниями Болотов довел одного своего крепостного до самоубийства, а другого до покушения на убийство самого Болотова. Но совесть этого просвещенного человека, написавшего книжку «Путеводитель к истинному человеческому счастью», и тут осталась совершенно спокойна; а «сущими злодеями, бунтовщиками и извергами» оказались у него замученные им люди.

А если домашних средств помещика — розог, «кормления селедкой» и т. д. — не хватало и крепостной, не боясь всего этого, шел до покушения на помещика или чего-нибудь в этом роде, на сцену выступал общегосударственный суд с теми же мучительствами, но несравненно крупнее. Суд этот был опять-таки помещичьим: его председатель и товарищ председателя были выборные от дворянства, а «заседатели» из крестьян (некрепостных) играли при дворянах роль сторожей и рассыльных: мели иной раз полы и т. п.

До царствования Екатерины этот суд мог применять пытку. Она начиналась с того, что несознавшегося арестанта поднимали на закрученных назад руках на дыбу, причем от тяжести тела руки сейчас же выскакивали из суставов. Если эта адская боль не заставляла «признаться», его начинали бить кнутом. Не следует думать, что это было невинное орудие, которое теперь употребляют крестьяне и извозчики, чтобы подогнать лошадь. Кнут «заплечного мастера» (палача) был тяжелейшей ременной плетью, конец которой был обмотан железной проволокой и облит kleem, так что представлял собой нечто вроде гири с острыми углами. Эта остроугольная шишка рвала не только кожу, но и мускулы до костей, а тяжесть кнута была такова, что опытный «мастер» мог с одного удара пересибить спинной хребет. Это он проделывал, конечно, не на пытке (там это было нерасчетливо), а во время наказания, ибо кнут служил средством не только добывания истины, но и расправы с осужденными. Если на пытке и кнут не достигал цели, применялись дальнейшие средства: раздавливали пальцы особыми тисками, сжимали голову веревкой так, что пытаемый приходил «в изумление», наконец, жгли горящими вениками.

Из лицемерия перед Западной Европой, которая притворялась, что приходит в ужас от московитского варварства, хотя там торговый капитал пользовался точно такими же средствами устрашения*, Екатерина II отменила официально пытку. Неофициально она применялась еще долго спустя — в политических процессах, по некоторым сведениям, до 60-х годов, т. е. еще при Александре II. Это касается судебной пытки; что касается жандармов и охранки, то они, как всем известно, пытали еще в 1905–1907 годов, да, вероятно, и позже, так что приличие было соблюдено только на бумаге.

Но и на бумаге не нашли нужным отменять наказания кнутом, и это несмотря на то, что оно очень часто кончалось смертью наказываемого, а смертная казнь, опять-таки на бумаге, была отменена еще Елизаветой Петровной. Рассказывали, что эта императрица, идя во дворец с гвардейцами арестовывать маленького Ивана Антоновича, так трусила, что дала обет в случае удачи никого

* Кнут, дыба и т. п. имелись, например, в австрийском и прусском законодательстве. А один очень мучительный вид смертной казни — колесование (раздробление костей тяжелым колесом) — пришел к нам именно с Запада, где он применялся во Франции, например, до революции.

не казнить. Мы помним, что ради той же удачи она заключила договор и с врагами России — шведами. Овладев престолом, она обманула и шведов, и господа бога: отперлась от своих обещаний и заменила виселицу кнутом. Результат был тот же, мучился несчастный даже больше, но зато на бумаге не было слов «смертная казнь», а только число ударов кнута. Все знали, что, если это число больше двух-трех десятков, это верная смерть, а назначали и 120 ударов, да притом опытный палач мог, как мы знаем, убить и с одного удара, ежели начальство прикажет. А ежели начальство не желало смерти осужденного, да тот еще был вдобавок человек богатый, мог дать взятку палачу, так он и после большого числа ударов оставался жив и даже почти здоров. Очень гибкое было наказание и потому вдвойне удобное. Для дворян, впрочем, Екатерина совсем отменила кнут, он остался только для «подлых» людей. Ее сын Павел восстановил кнут и для дворян, да, кстати, придумал и замену кнуту, введя для военных прогоняние сквозь строй. Осужденного вели между двумя рядами солдат, вооруженных палками; каждый должен был нанести удар, и начальство смотрело, чтобы били как следует. Прогоняли через батальон, т. е. тысячу человек, и через полк, т. е. 4 тыс. человек; последнего, как и 100 ударов кнутом, никто не выдерживал; это опять была замаскированная, лицемерная форма смертной казни.

Все эти истязания производились публично, чтобы больше запугать народную массу. Но для той же цели судопроизводство было облечено строжайшей тайной. Не только судили всегда при закрытых дверях, но в зале заседания не было ни защитников, ни даже самого подсудимого. Перед судьями были его записанные показания да показания свидетелей, тоже в письменном виде; на основании всего этого и произносился приговор, и подсудимого приводили только для того, чтобы ему этот приговор прочесть. Тайна строжайше охранялась, выдача простой справки из дела считалась уголовным преступлением. Само собой разумеется, что нельзя и придумать лучшей почвы для злоупотреблений, чем такая обстановка; за деньги в этом суде все можно было сделать: самого явного преступника могли оставить «в сильном подозрении» и отпустить на все четыре стороны. И это совершенно естественно, если подумать: суд имел целью охранять интересы торгового капитала и капиталистов; человек, могущий дать взятку, имеет, очевидно, деньги в кармане, значит, скорее принадлежит к тем, кого охраняют, чем к тем, от кого охраняют. Как же ему не помирволить?

Как было распространено взяточничество, прекрасно знают все из литературы (из «Мертвых душ» и «Ревизора» Гоголя, например; только там, по условиям цензуры времен Николая I, когда писал Гоголь, могли быть приведены лишь самые мелкие случаи взяток; но в крупных делах, о которых нельзя было говорить печатно, было, разумеется, то же самое). Дать взятку судейскому чиновнику было таким же обычным делом, как дать на чай швейцару или дворнику: при Николае I сам министр юстиции Панин давал взятки, когда у него бывали дела, причем давал их даже в тех случаях, когда он был совершенно прав и дело по закону должно было решиться в его пользу. Привычка — вторая природа.

Тайна висела не только над судебным разбирательством, тайной была окутана вся жизнь крепостнического государства. Торговля вся построена на секретах: купцы скрывают друг от друга, от покупателей действительную стоимость товара, его происхождение, его количество и т. д. Торговые книги — святыня торгового дома, которую показывают только людям, пользующимся полным доверием хозяина. Таким же секретом проникнута и жизнь государства, опиравшегося на торговый капитал. Роспись государственных доходов и расходов, например, тогда не печаталась, и ее никто не знал, кроме царя и нескольких министров. Все заседания высших государственных учреждений были закрыты, а наиболее важные из них — даже секретные: разгласить то, что происходило на таком заседании, было преступлением побольше того, чем дать судебную справку. Не допускалось огласки самых обыкновенных фактов, если они имели отношение к государственной власти и ее представителям, хотя бы самым мелким. Герцена выслали из Петербурга за то, что он написал в письме к своему отцу, что один городовой убил прохожего. Другой случай еще лучше. В день именин императрицы Александры, жены Николая I, в Петергофе устраивалась роскошная иллюминация, на которую из Петербурга съезжались тысячи зрителей; раз два парохода с такой публикой столкнулись, и один утонул. Много людей погибло, но об этом говорили шепотом: так как тут замешались именины императрицы, дело огласке не подлежало. На всякой мало-мальски важной деловой бумаге стояла надпись: «Секретно». Это сохранилось до новейшего времени на бумагах дипломатических, касавшихся сношений с другими государствами; в министерстве иностранных дел до 1917 года несекретных бумаг не было, так что когда хотели обозначить что-нибудь действительно подлежащее тайне,

то писали «только для ministra» (или «для вас»), «совершенно доверительно» и т. п., потому что слово «секретно» уже ничего не выражало: все было секретно.

Хранителем этой государственной тайны было чиновничество. Чиновничество, или бюрократия (варварское слово, составленное из двух: французское «бюро», что значит письменный стол, а также кабинет, и греческое «кратос», что значит сила; по-русски — «столоправление» или «кабинетовладычество»), составляет такую же необходимую принадлежность крепостнического государства, как варварская система наказаний или канцелярская тайна. При тайном закрытом производстве все делается на бумаге. Как при демократии выдвигаются люди, умеющие говорить, а в феодальном мире выдвигались люди, умеющие хорошо драться, так при господстве торгового капитала выдвигаются люди, умеющие писать: не просто хорошо писать, не писатели, а умеющие хорошо писать «деловые бумаги», т. е. запутанным и крючкотворным языком излагавшие «государственную тайну». Эта чиновничья тарабарщина сама по себе была секретом, отделявшим государственные дела от непосвященных. Не только простые грамотные люди, но начальство, не прошедшее чиновничьей школы, не понимало тех бумаг, которые оно подписывало. Никакой университет не мог непосредственно сам по себе подготовить к чиновничьей карьере: кончившего курс наук молодого человека засаживали в канцелярию за переписку бумаг, пока он постепенно овладевал тайнами «делового» слога. Прослуживший 30 лет старый крючкотворец был здесь гораздо сильнее, чем доктора всех наук. Созданный торговым капиталом и крепостным правом для их потребности, чиновник властвовал над ними своим крючкотворным секретом: слуга становился сильнее своих господ. Купец жаловался на засилье чиновника, помещик лебезил перед ним или скрежетал зубами от бессильного бешенства. «Чиновник-бюрократ и член общества суть существа совершенно противоположные», — писал один дворянин во время крестьянской реформы.

Чиновничество появляется у нас одновременно с торговым капиталом еще в московской Руси. Тогдашние чиновники, дьяки, заключали в себе уже все особенности будущего «бюрократа», как зерно заключает в себе все будущее растение. Люди совсем незнанного происхождения (первые дьяки нередко бывали и из холопов), они держали в руках огромную власть — иностранцам главные дьяки, «думные», казались прямо «царями», — наживали

огромные богатства, строили себе «палаты каменные такие, что неудобь сказаемые», жаловалось тогдашнее купечество. В конце концов наиболее удачливые из них пролезали в знать: в Смутное время, во дни царя Владислава, дьяк Федор Андронов правил государством; при первых Романовых дьяки командовали боярской думой, и при третьем Романове девушка из дьячей фамилии сделалась царицей: первой женой Петра (которую он потом запер в монастырь) была Лопухина, а предком Лопухиных был дьяк. При Петре чиновничество, усиленное вызванными из-за границы специалистами этого дела, окончательно сорганизовалось. Все служащие государству были распределены по «табели о рангах» на 14 классов, самым низшим был «регистратор», записывавший входящие и исходящие бумаги, а наверху всего стояли «тайные» и «действительные тайные советники», своим названием лишний раз напоминавшие об основании, на котором держалась вся система,— «государственной тайне». Значение человека в обществе мерилось тем, какое место в табели о рангах он занимал, какой чин на нем был. Для знатнейшего дворянства дело уравнивалось тем, что оно получало чины, не служа. Но провинциальные помещики всецело зависели от местных крупных чиновников. Назначенный из Петербурга чиновник, губернатор, мог и арестовать дворянина. Провинциальное дворянство могло поэтому защищаться от «засилья бюрократии» только коллективно: дворяне каждого уезда и каждой губернии выбирали себе предводителя, с которым и губернатор должен был считаться, а дворянские собрания имели право посыпать жалобы прямо царю, минуя чиновников.

Когда Севастопольская война поставила вопрос о реформах, реформы не могли ограничиваться крепостным правом: они должны были захватить и полицию, и суд, и «бюрократию». Последняя и оказалась тем прочным скелетом, который выдержал натиск «реформ» и сохранил в общем и целом власть за помещиками и торговым капиталом. Больше всего крепостническому государству пришлось пожертвовать в области суда. Не только промышленный, но и торговый капитал не могли не задуматься над тем, во что им обойдутся взятки при том размахе, какой должна была теперь принять экономическая жизнь страны. При сравнительно небольших прежних торговых оборотах можно было обойтись десятками и сотнями тысяч, теперь дело пахло десятками миллионов; на такое уменьшение своих барышей капиталист не мог идти. Взятке была объявлена беспощадная война. Взяточника

травили везде: в газетах, журналах, комедиях, романах, повестях. Уже Николай I — мы помним, что он одной ногой стоял в новой, капиталистической России, а другой — в старой, феодальной, — должен был допустить обличение мелких взяточников («Ревизор» и «Мертвые души» Гоголя). Он же должен был отказаться от кнута (сохранив плети и «сквозь строй»), и в его же царствование, к концу, был составлен проект судебной реформы на новых началах, но у него, как водится, не хватило храбрости провести проект в жизнь. <...>

